

МЕРТВЕЦЫ НЕ ПЛАЧУТ

МАРИ ДЕЛЛЬ *St. Delia*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Делль

Мертвецы не плачут

«Автор»

2026

Делль М.

Мертвецы не плачут / М. Делль — «Автор», 2026

Меня зовут Талия Смит, мне двадцать три. И шесть лет назад, когда мир покатился в ад, я сделала то, о чем нормальный подросток не думает даже в кошмаре - кухонным топориком убила собственных родителей. Точнее, то, во что превратил их смертельный вирус. С тех пор моим убежищем стал Новый Эдем - гигантский бетонный город, огороженный тридцатиметровой Стеной. Нам обещали спасение, но вместо него мы получили клетку, где солнце светит только для элиты, еда выдается по талонам, а за малейшее нарушение грозит "обнуление" - публичная казнь. Я думала, что буду до конца дней чистить радиационные отстойники, но, чтобы спасти своего друга, мне пришлось сделать то, чего я боялась больше всего - снова открыть дверь во Внешний мир, в Пустошь. Теперь мы - беглецы. Сможем ли мы выжить там, где любой громкий звук - это смертный приговор, и кому из своих спутников я действительно могу доверять, когда цена ошибки - наши жизни?

© Делль М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Мари Делль

Мертвецы не плачут

Глава 1

Для всех, кто ждёт зомби-апокалипсис так же, как и я. Друзья, у меня плохие новости: мы не выживем. Но если мы уже мертвецы... почему бы не повеселиться напоследок?

Меня зовут Талия Смит, мне двадцать три года. И, шесть лет назад я убила своих родителей.

Когда тебе семнадцать, ты думаешь о выпускных платьях, грядущем поступлении и о том, как незаметно протащить в комнату мальчика. Ты не думаешь о том, как правильно держать кухонный топорик, чтобы он не застрял в лобной кости твоей собственной матери.

В семнадцать лет я чертовски мало понимала в политике. Мой мир ограничивался наушниками, школьными сплетнями и вечным подростковым бунтом. Все мировые проблемы долежали до меня исключительно через закрытую дверь гостиной. Мой отец - парамедик, с въевшимся в кожу запахом больницы, после смены всегда садился перед телевизором и ругался. Он крыл матом чужих президентов, министров и собственное правительство.

Всё начиналось постепенно: забастовки, митинги, распри, перерастающие в гражданские войны. Сперва они вспыхивали где-то там, за горизонтом, на границах, о которых мы знали только из учебников географии. Люди устали от политики - они хотели спокойно жить в мире. Но политиков уже было не остановить - их понесло. Нам наивно казалось, что нас это не коснется. Но потом подключился весь мир. Цепная реакция идиотизма.

Мама, работавшая старшей медсестрой в городской больнице, относилась к этому хаосу с усталым цинизмом. Помню, как однажды вечером она швырнула на стол мокрое кухонное полотенце, выключила орущий телевизор и устало произнесла:

— Хватит портить нам настроение, Тайлер. Там, наверху, взрослые дядьки просто пытаются показать друг другу, у кого больше член. Вот только расхлебывать это дерьмо будут такие, как мы.

Она оказалась права.

В тот день, когда всё покатилося в ад, в стране объявили чрезвычайное положение. Я часами сидела в телефоне, листая ленту новостей и просматривала жуткие, сюрреалистические видео, которые выкладывали люди из других стран и соседних городов. Журналисты срывали голоса, объявляя о начале применения запрещенного оружия - био-бомб, позже их прозвали, как "Слёзы Каина". Вскоре появились первые кадры, словно из фильмов ужасов: огромные города, накрытые плотным, тяжелым фиолетовым туманом. И люди. Точнее, то, во что они превращались. Вирус из био-бомб выжигал разум людей за считанные часы, заставляя зараженных мутировать в безумных, неестественно быстрых монстров.

Когда паника докатилась до нашего города, мы с родителями заперлись дома. Они понимали, что на улице спасения нет. Мы пытались сделать из своего дома подобие бункера: заколотили все двери и окна, заклеили щели, заранее установив снаружи входной двери, маленькую камеру, которая когда-то служила моей видеоняней. При этом продолжая следить за ситуацией в мире через телевизор и маленький монитор камеры. На улице творился ад - были сирены, куда-то бежали толпы людей, а с востока, на жилые кварталы медленно наступала фиолетовая стена. Через трое суток электричество погасло, отрезав нас от внешнего мира. Едкий фиолетовый туман уже вплотную подошел к нашему ЖК, затапливая улицы и поднимаясь всё выше и выше к верхним этажам. Мы не учли одного. Вентиляцию. Её невозможно было заклеить

герметично. Туман просочился в квартиру незаметно. Хватало всего пары вдохов, чтобы вирус проник в кровь. Родители заразились, но в первые часы еще ничего не поняли. Мама пожаловалась на легкое головокружение, а у отца сильно заломило суставы, но они списали это на жуткий стресс и усталость. Они отправили меня в мою комнату, заставив пообещать, что я не буду выходить, а сами ушли спать. Под утро я проснулась от странного звука, доносящегося из их спальни...

Я вышла из комнаты и от запаха ржавчины и гнили к горлу подкатил тошнотный ком. Из родительской спальни доносился не просто стук или шорох, это был ни на что не похожий звук то ли рык, то ли глухое утробное рычание. Будто там, внутри, заперли диких, смертельно раненых зверей. Сердце билось так сильно, как будто готовилось выпрыгнуть из груди. Ноги были ватными, но я медленно, стараясь не шуметь, подошла к двери их комнаты. На паркете, прямо перед порогом, лежал белый листок, вырванный из какого-то блокнота. Я наклонилась и подняла бумажку. На ней размашистым, прыгающим и корявым почерком отца, у которого, должно быть, уже отказывали пальцы, было нацарапано всего несколько строк.

«Таля, дочка. Вирус из тумана уже в нашей крови. Мы чувствуем, как отключается голова. Мы заперлись изнутри и выбросили ключ в окно. Замок надежный, дверь крепкая, она выдержит. Что бы ты ни услышала дальше — ЭТО НЕ МЫ. Не смей заходить сюда. Сиди в комнате, жди спасателей и уходи из города, как только всё стихнет. Мы любим тебя. Прости нас».

Бумажка задрожала вместе с моими руками, буквы расплывались перед глазами, а на глаза уже набежали предательские слёзы. Я смотрела на дверь и не могла поверить. Это какая-то шутка. Глупый розыгрыш. Я не могла поверить, что мои мама и папа стали одними из тех ужасных тварей, что я видела в интернете. Но я... я же не заразилась... Может папа все-таки ошибся? В этот момент рычание за дверью оборвалось. На секунду наступила мертвая, звенящая тишина, от которой заложило уши. А затем... затем раздался оглушительный, страшный удар.

Деревянная дверь, которую отец в спешке посчитал «надежной», пошла продольными трещинами. Родители недооценили то, во что био-бомбы превращают людей. И эта безумная нео-биологическая сила заставляла их тела ломать преграду. Ломать ради одной цели - добраться до единственной живой плоти в этой квартире. До меня.

Из-за треснувшей двери вырвался яростный, клокочущий рев - ничего человеческого, ничего того, чтобы мне напомнило голос моей мягкой, вечно усталой мамы. Дверь содрогнулась от второго удара. Посыпалась щепка. И именно в ту секунду во мне что-то сломалось. Паника отступила, оставив место какому-то звенящему, пустому хладнокровию. Отец хотел, чтобы я дождалась спасателей. Я знала, что он хотел помочь и спасти меня, но было уже понятно - спасатели не придут. Помощи не будет. Город мертв. Бросилась на кухню и судорожно начала искать глазами всё, что может мне помочь. Мои пальцы безошибочно нащупали в выдвижном ящике деревянную рукоять тяжелого топорика для рубки мяса. В этот момент деревянная дверь спальни с грохотом разлетелась на куски...

Я, стоя на кухне, услышала, как в коридоре послышался звук, сразу притихла: из спальни вышли двое. Шаги разошлись — одни в гостиную, вторые ко мне. Кто-то приближался к кухне. Сжимала топорик так, что костяшки побелели, и не моргая смотрела на дверной проём.

Из темноты выскочила существо, отдаленно напоминающее мою мать. В глубине души, теплилась надежда на то, что она сейчас узнает меня и прижмёт к своей тёплой груди, как делала это каждое утро перед школой, но на деле, дикий, расфокусированный взгляд её мутных белых глаз и обнажённые, в беззвучном оскале зубы, говорили о том, что это существо больше не имеет никакого отношения, к моей любимой маме. Иллюзии стёрлись, заставив меня разбиваться о скалы жестокой реальности, нового мира. На ней больше не было голубого домашнего халата в мелкий цветок, осталась только серая, безжизненная, искусанная

в кровь, плоть. Она рванула, вытянув вперед скрюченные пальцы с обломанными ногтями. Я не успела испугаться. Шаг в сторону - спиной я сильно ударилась о стеллаж, с него с грохотом полетела посуда. Мама проскочила мимо, врезавшись в комод, и тут же, с утробным клочкотанием, начала разворачиваться. Времени на замахи не было, интуитивно выбросила руку вперед, вкладывая силу и собственный вес в рукоять топорика, для удара. У меня есть только один шанс на выживание, я просто не имею право на ошибку. Тяжелое лезвие с глухим, влажным треском вошло ей точно между бровей. На мгновение пальцы мамы судорожно сомкнулись на рукаве моей пижамы, но тут же обмякли. Сила, которая секунду назад заставляла ее двигаться с безумной скоростью, исчезла. Глаза закатились.

Я дернула топорик на себя, но он не поддавался, паника захлестнула меня. Всем нутром я чувствовала, что одну меня надолго не оставят. Нужно было срочно вернуть себе оружие. Рывок, еще один, безрезультатно. Держать на весу её тело больше было невозможно, мы рухнули на осколки разбитой посуды. Острый кусок какой-то разбитой посуды врезался мне прямо в бедро, адская боль пронзила всё тело и не сдержав эмоций, закричала. От злости на саму себя, приподнялась, уперев одну ногу в голову чудовища и резко вытянула топорик на себя, кое-как сохранив равновесие. Из её раны потекла густая, черная жижа, не успев даже перевести дыхание, на пороге кухни появился отец, точнее то, во что он превратился. Увидев меня, он издал такой яростный визг, что у меня заложило уши, и прыгнул, целясь когтями прямо мне в горло. Я попыталась отступить назад, но под ногами лежала мама. Я споткнулась об ее тело и полетела на мокрый от крови, пол. Отец рухнул сверху. Его тяжелое, налившееся безумной силой тело придавило меня к паркету так, что из легких вышибло весь воздух. В нос ударил жуткий, невыносимый запах гнили и чего-то приторного. Я закричала. Громко, сорвав голос на первом же выдохе, захлебываясь собственными слезами.

— Папа, пожалуйста, не надо! — истошно визжала я, теряя рассудок от ужаса, но ответом мне был лишь глухой, захлебывающийся лай чудовища. Его ледяные, жесткие пальцы намертво впились в мои плечи. Лицо отца — серое, с лопнувшими черными венами на щеках — оказалось в нескольких сантиметрах от моего. Он яростно щелкал зубами, изо рта брызгала тягучая, чёрная слюна, и он сантиметр за сантиметром приближал свою пасть ко мне, пытаясь укусить. Я изо всех сил уперлась левой ладонью в его жесткий, холодный подбородок. Рука дрожала, мышцы горели от напряжения. Я пыталась спихнуть его, извивалась всем телом на скользком от крови паркете, пинаясь ногами, но он сидел на мне как многотонная плита. Замахнуться в полную силу было невозможно. Понимая, что левая рука вот-вот сорвется, и его зубы сомкнутся на моем горле, я начала вслепую, коротко и часто наносить удары топориком ему по боку, целясь в ребра. Тяжелое лезвие раз за разом рассекало серую плоть. Из разорванной домашней футболки во все стороны полетела черная жижа, пачкая мои ноги и пижаму. Я начинала понимать, вирус полностью отключил у него болевые рецепторы. Отец даже не вздрогнул. Мои удары по корпусу были для него как легкие хлопки - он продолжал с бешеной силой давить сверху, и его зубы уже почти коснулись кожи на моей щеке.

«Что бы ты ни услышала дальше - ЭТО НЕ МЫ», пронеслись слова отца в моей голове. У меня оставался последний, единственный шанс. Собрав всю оставшуюся во мне силу воды, резко повернула голову в сторону, уклоняясь от его челюстей. Большого замаха не получилось, но он и не был нужен. Со всей оставшейся силы я занесла топорик и с диким, отчаянным воплем наотмашь вогнала острое железное основание ему прямо в правый глаз. Кость черепа с хрустом поддалась. Отец мгновенно замер. Рычание захлебнулось на полуслове, превратившись в короткий свистящий хрип. Его тело неестественно выгнулось, пальцы на моих плечах судорожно сжались, а затем он мешком повалился на меня всей своей мертвой массой. Его глаза остекленели и утаились в потолок.

В квартире снова воцарилась тишина. Настоящая, гробовая тишина. Я сидела на полу между двумя трупами тех, кто подарил мне жизнь, и меня рвало желчью. Я обессиленно отки-

нулась назад и вытерла рот тыльной стороной ладони, размазывая по лицу горькую слезь, слезы и родительскую кровь. Тяжело дыша, я опустила взгляд на свою ногу. Из правой ноги торчал крупный, острый осколок керамической тарелки, с выцветшим узором. Он вошел глубоко в плоть, и при каждом вдохе рана пульсировала, выталкивая новые порции горячей крови. Зубы стучали, выбивая безумный ритм в так бьющемуся где-то в горле сердцу. Пальцы дрожали так, что я едва могла ухватиться за скользкий, окровавленный край керамики. Один резкий рывок и из груди вырвался крик. Я сразу же зажала рану ладонью, изо всех сил вдавливая пальцы в плоть, пытаясь остановить багровый поток. Но кровь всё равно просачивалась сквозь пальцы и пачкала пол. Я подняла взгляд на родителей. Их убила собственная дочь. Ещё сильнее надавила на рану в бедре. Физическая боль была почти спасительной - она отвлекала от боли внутри. Вокруг выл город, где-то на улице стреляли автоматы, горели дома. Мне хотелось кричать, быть так, чтобы сорвать голос, но из горла выходил только свистящий хрип. Я осталась одна. Одна в обезумевшем, погибающем мире. Живая. Раненная. И виновная.

С тех пор прошло шесть лет. Сейчас я живу в Новом Эдеме — гигантском бетонном склепе, который военные построили, чтобы спрятаться от миллиардов заражённых — тех, кого прозвали бегунами. В городе продолжается жизнь. Люди учатся, работают, пытаются делать вид, что всё нормально. Но Эдем не спасает. Он медленно нас переваривает. Здесь царит абсолютная, узаконенная жестокость. Еда выдается строго по синим талонам, а за любое, даже самое мелкое нарушение - будь то кража куска мыла или опоздание на смену - приговор один - Обнуление. Публичная казнь на площади.

У меня остался только один повод не сойти с ума в этой клетке. И этот повод сейчас как раз бесцеремонно лез в окно моей полуподвальной комнаты.

— Лия, детка, скажи мне, что у тебя есть хоть капля прессованного белка, иначе я съем твой коврик у двери. И поверь, я не шучу, у него очень многообещающий вид.

На подоконнике, согнувшись в три погибели, уже сидел Олли. Мой личный сорт анти-депрессанта в этом загнивающем мире. Огромный, накачанный блондин с абсолютно дурацкой, растрепанной челкой и неистребимым оптимизмом. Он умудрялся работать на каторжной разгрузке металла в доках по двенадцать часов и после этого всё равно травить свои идиотские шутки. Я вытерла лицо шершавой от мозолей ладонью, прогоняя призраков прошлого, и повернулась к нему.

— Твой блок на другом конце сектора, Олли. Если тебя поймает ночной патруль, тебя вздернут до рассвета.

— Ой, брось, — Олли легко спрыгнул на пол, отчего старые доски жалобно скрипнули под его весом. Он широко улыбнулся и поиграл внушительным бицепсом. — Эти мудаки в жизни меня не догонят. Ну так что, угостишь даму ужином? В награду расскажу тебе анекдот. Обещаю, он чертовски смешной, хотя за него дают лет десять каторги.

Я смотрела на его сияющую улыбку и еще не знала, что очень скоро, чтобы спасти этого белобрысого придурка мне придется сделать то, чего я боялась больше всего на свете - снова открыть дверь во Внешний мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.